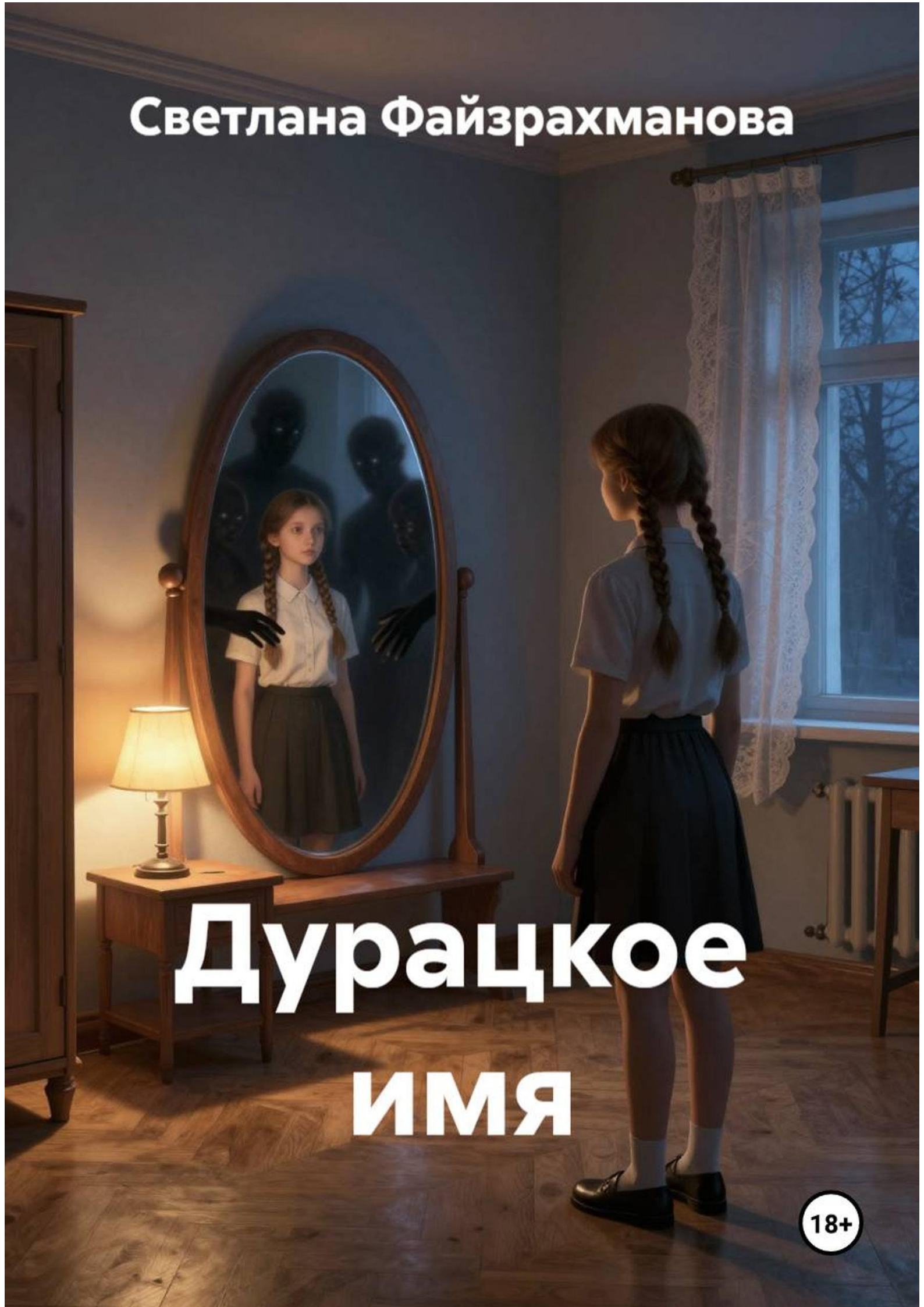

Светлана Файзрахманова

Дурацкое
ИМЯ

18+

Светлана Файзрахманова

Дурацкое имя

«Автор»

2026

Файзрахманова С.

Дурацкое имя / С. Файзрахманова — «Автор», 2026

Власть, адреналин и животная страсть сплелись в тугий узел. Она стонала, кусая губы, чувствуя, как под кожей пульсирует горячая, живая кровь. В эти минуты она была на пике своего могущества — сильная, желанная. Анна опустила взгляд. На поверхности чёрного, как смола, кофе, дрожало отражение. Но это было не её лицо. Из чашки на неё смотрела девочка с косичками. Анна хотела закричать: «Игорь, смотри!», но горло вдруг сдавило стальным обручем. Сердце, только что бившееся ровно и сильно, совершило дикий, рваный кувырок и остановилось. Огромный, роскошный кабинет, испуганное лицо Игоря, огни ночной Москвы — всё это свернулось в воронку и всосалось в одну крошечную чёрную точку. Анну швырнуло во тьму. Она застонала и открыла глаза. Вместо дорогого виски воняло пустырником. Она снова была Селей. Жалкой, прыщавой девочкой, лежащей на каталке в советской больнице, а над ней нависала бабка Варя.

© Файзрахманова С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Светлана Файзрахманова

Дурацкое имя

Глава 1

Анна резко села. Под ней с жалобным железным лязгом прогнулась пружинная сетка продавленной кровати. Тело ощущалось чужим: угловатым, неловким, почему-то стянутым фланелевой ночной рубашкой. Еще вчера она, тридцатипятилетний финансовый директор, пила кофе в кабинете зама генерального. Сейчас же ее окружала чудовищная реальность совдепа.

Стены давили. Над кроватью висел пыльный красно-коричневый ковер с оленями. Вдоль противоположной стены тянулась полированная румынская стенка, за стеклами которой мертво поблескивал хрусталь. На столе монотонно, как метроном палача, тикали массивные часы.

Анна спустила босые ноги на холодный линолеум и бросилась к единственному источнику ответов — массивному трельяжу в углу.

Она замерла перед центральным зеркалом. Трехстворчатая амальгама, чуть тронутая по краям черной коррозией, безжалостно отразила правду. Из зазеркалья на нее смотрела девчонка лет шестнадцати. Сутулые плечи, густые, мышинового цвета волосы, заплетенные в тугую косу. Но хуже всего было лицо: бледное, с россыпью гневных, подростковых прыщей на лбу, щеках и подбородке.

Анна прижала ладони к щекам. Девчонка в зеркале сделала то же самое. Взрослый, циничный разум Анны бился в панике внутри этого угловатого, гормонально нестабильного юного тельца.

Дверь в комнату скрипнула. На пороге возникла грузная пожилая женщина в выцветшем халате и пуховом платке, накинутом на плечи. В руках она держала эмалированную кружку, от которой поднимался пар.

— Встала, Селечка. Пей отвар. Ироды из тебя все соки ночью тянули, вон как лицо обсыпало. Да и мысли твои путались. Кричала уж больно ночью.

Анна медленно повернулась. Разум зацепился за единственную абсурдную деталь, спасаясь от безумия.

— Как? Как вы меня назвали?

— Селя. Секлетинья, не уж запомятовала? — бабка нахмурила кустистые брови, ставя кружку на стол. — Имя твое. Чего глазищи вылупила, будто беса увидела?

— Секлетинья? — Анна нервно, истерично хохотнула. Голос сорвался на подростковый писк. — Вы в своем уме? Оля, Лена, Наташа — нормальных имен не нашлось? Что это за деревенская дичь?!

Бабка тяжело опустилась на стул и сложила на коленях узловатые руки. Ее взгляд внезапно утратил старческую мутность. На Анну смотрели глаза древние, темные, как колодезная вода.

— Оли да Лены для людей хороши, — произнесла бабка. — Имена сладкие, гладкие. Легко на язык ложатся. И им тоже легко.

— Кому «им»? — Анна скрестила руки на груди, пытаясь принять привычную позу начальника, но в мешковатой ночнушке это выглядело жалко.

— Бабушка, нет никаких богов, демонов и домовых. А вы мне жизнь ломаете этим позорным именем. Надо мной же вся школа смеется, наверное!

— Богов нет, правда твоя, — бабка усмехнулась, обнажив золотой фикс. — Боги померли давно. А вот те, кто в тенях за зеркалами скребется, никуда не делись. Они только и ждут, когда дверь приоткроется. Имя, глупая ты девка, это не для паспорта твоего советского. Это оберег.

Бабка подалась вперед, и в комнате вдруг стало ощутимо холоднее.

— Сладкое имя нечисть враз проглотит. А об «Секлетиныю» — зубы обломает. Думаешь, ты просто так прыщами покрываешься да болеешь? Это сила в тебе бродит. Ведунья ты. Кровь наша, тяжелая, ведьмовская. Тело твое детское эту силу еле держит, вот наружу гноем и лезет. Но как войдешь в пору — равной тебе не будет.

Анна хотела выкрикнуть что-то резкое, осадить сумасшедшую старуху. Но слова застряли в горле.

Она боковым зрением уловила движение в боковых створках трельяжа. Анна медленно повернула голову. В центральном зеркале она видела свое нелепое, прыщавое лицо. Но в боковых створках, уходящих в бесконечный зеркальный коридор, отражения были другими.

Там стояла женщина. Высокая, с прямой спиной, с глазами, полными холодного, первобытного всемогущества. И тени в углах комнаты, казалось, тянулись к ней, лапаясь, как послушные псы. Комплекс неполноценности, душивший эту девочку годами, внезапно показался Анне смешным. Какая разница, что думают одноклассники, если по одному твоему слову может треснуть реальность?

Бабка встала, тяжело опираясь о стол.

— Пей отвар. И в школу собирайся. Физику свою учить.

Дверь закрылась. Анна осталась одна. Она подошла к зеркалу вплотную и коснулась пальцами прохладного стекла. Тело подростка дрожало, но разум взрослого стратега, привыкшего к антикризисному управлению, уже брал верх.

— Значит, Ведунья, — прошептала она. — Значит, магия в советских хрущевках. Никакой паники. Если в этом мире есть правила, я их выучу. И если это имя — мой щит, я сделаю его оружием.

Секлетиныя улыбнулась своему отражению. И впервые за долгие годы отражение улыбнулось ей в ответ так, что у теней по углам пробежал мороз по коже. Ей предстояло во всем разобраться.

Глава 2

Секлетинья давилась отваром. Он был горьким — отдавал корнями лопуха и едким пустырником, от которого сводило челюсти. Обжигающая жидкость рухнула в желудок, гася крупную, унижительную дрожь в коленях. Она натянула школьную форму: колючее коричневое платье, душивший горло белый воротничок, похоронно-черный фартук. Из зеркала на нее пялилась нелепая, угловатая девочка, но теперь Анна видела в этих расширенных от ужаса зрачках не подростковую слабость, а ледяной, отчаянный расчет загнанного в угол зверя.

«Надо выяснить правду. Как меня сюда затащило?!»

На кухне бабка молча, словно глухонемая, поставила на стол тарелку с манной кашей. Секлетинья глотала ее, нервно ощупывая взглядом комнату. Дешевый советский быт: гудящий, как трансформаторная будка, холодильник «ЗИЛ», старая газовая плита, улыбочивые космонавты на календаре 1986 год. Но в углу, за шкафчиком, притаилось маленькое зеркальце в деревянной раме. Оно было вывернуто наизнанку — стеклом к стене, словно наказанное. Словно оно могло укусить.

— Бабушка... Почему зеркало... так?

Бабка не повернула головы. Ее глаза смотрели на внучку.

— А ты что опять запаматовала? Чтоб черти не пялились. Ночью — особенно. «Они» сквозь старую амальгаму, как черви сквозь землю, лезут.

— Какие еще «они»?!

— Тени голодные. Мир их умирает, Селя. В труху рассыпается. — Старуха ткнула сухим пальцем в окно, где мертвыми рядами стояли одинаковые серые пятиэтажки-коробки. — Раньше, при черных богах, они в идолах жили — кровью подношений упивались, животным страхом, первородным грехом.

— А теперь?

— Теперь и страх не велик. Что колбасы в очереди не достанется, да на партсобрании чтоб не костерили. Тошно им. Голодно до судорог.

Ложка со звоном выпала из онемевших пальцев Секлетиньи.

— И... как они едят?

— Души цедают по капле. Через ночные кошмары, через распри... через зеркала. И ходит потом человек... кукла пустая. Ни до чего ему дела нет. Врачи в поликлиниках руками разводят: шизофрения, говорят, апатия.

— И всем плевать?! Никто не видит?!

— Видят! Да мозгов не хватает понять! — Бабка вскинула на нее тяжелый, давящий взгляд, от которого похолодело в животе. — А мы, ведуньи — на баррикадах. Последний заслон. Мать твоя сильна была. Полезла закрывать разлом в Доме Пионеров. затащило ее в мир теней. Теперь она Страж, только через это старое зеркало на кухне и могу ее видеть. И то не всегда.

В груди Секлетиньи что-то сжалось. Чужая память взорвалась в голове вспышкой: бледное лицо молодой женщины с такими же безумными темными глазами, крик, звон бьющегося зеркала...

— Что за разлом? — прохрипела она.

— Там миры трутся друг о друга. Зеркальная яма. В Доме Пионеров старинное зеркало висело, еще царских времен, смотреть в него долго нельзя, у него пространство вывернуто. Это еще в Революцию произошло, да красные в богов не верили, а может и тени им помогали, вот и образовался в нем разлом. Тени уж вволюшку повеселились.

Резкий, истеричный звонок в дверь ударил по нервам. На пороге трясся соседский Колька. Десять лет, а лицо серое, злое. Под глазами — черные провалы.

— Баб-Варя... мамке плохо... в голос воет...

«Значит бабку Варя зовут, надо запомнить, но главное — не сойти с ума от полученной информации».

Старуха тяжело сдернула фартук.

— Бегу. А ты, в школу иди, Селя. И запомни, ради всего святого — не смей трогать нити, рано тебе еще в силу не вошла!

Школа не радовала. Физика и математика отскакивали от взрослого разума Анны пустым звуком, она пыталась вспомнить школьную программу, но это было полбеды, одноклассники вели себя как шакалы.

— Селька-прыщавая! — шипели сзади.

— Травами смердит, как ведьма подзаборная!

— Рожа — сплошной кратер!

Секлетинья шла сквозь этот рой, до боли стискивая учебники. Взрослая Анна хотела послать всех. Маленькая Селя внутри захлебывалась слезами. Но просыпалась третья ипостась... Ведунья.

Пространство вдруг колыхнулось. Секлетинья заморгала, чувствуя тошноту: от самых злобных, брызжущих ядом одноклассников тянулись пульсирующие, серые нити. Как паутина. Они тянулись к зеркалам в коридорах, к отражениям в окнах. Тени там, по ту сторону, жадно присасывались, высасывая злобу, оставляя вместо детей тупые оболочки.

На литературе, под монотонный бубнеж «Как закалялась сталь», она скосила глаза на окно. И едва не закричала.

В отражении окна стояла она. Женщина из зеркального коридора. Высокая, мертвенно-бледная, с черными провалами вместо глаз. А вокруг нее по стенам, по потолку отраженного класса ползали, извивались, корчились тени. Они тянулись нитями к шеям сидящих учеников.

«Они здесь. Они прямо тут. И никто не видит!» — Секлетинью затрясло так, что парта заходила ходуном.

– Игнатъева, успокойся, – строго посмотрела на нее учительница.

“Значит Секлетинья Игнатъева, запомним.”

После уроков она в панике бросилась в библиотеку. Массивный дворец, бывшая дворянская усадьба, отданная под Дом Пионеров встретил ее высокими ступенями.

В отделе “история края” она выдрала из подшивки «Ленинского знамени» за 1975 год нужную страницу.

«Трагедия в Доме Пионеров. При невыясненных обстоятельствах погибла Капиталина Игнатъева (28 лет). Свидетели утверждают, что она провалилась в зеркало. Тело исчезло...»

На фото — мать. С теми же обреченными глазами.

Секлетинья выхватила из припрятанного конверта старое фото. На обороте: «Я и Секлетинья». Она взгляделась в фон снимка и подавила крик. В зеркале за спиной матери отражалась не комната. Там зиял черный, пульсирующий коридор. И в самой его глубине стоял силуэт.

Она вытащила из кармана подаренное бабушкой зеркальце — защиту от теней. Руки не слушались. Она приложила его к фотографии.

Реальность с мерзким чавканьем сдвинулась. Отражение фотографии всосалось в зеркальце. Из маленького зеркальца ударил могильный, холод.

Секлетинья чуть не отшвырнула его, но пальцы свело судорогой. В мутной глубине стекла зашевелилась тьма.

— Секлетинья... — чавкнул в голове голос. Он звучал эхом — Ты нашла осколки? Собери все.

— Ты не мама! Кто ты?! — зашипела она, озираясь.

— Страж... Помоги затынуть разлом — только так ты сможешь спастись.

— С чего бы мне верить голосу из зеркала?!

Она оторвала фотографию от зеркала и захлопнула его.

Дыхание со свистом вырывалось из легких, но мозг Анны, скованный ледяным ужасом, начал работать.

«Закрывать эту дьявольщину. Что мне нужно: освоить бабкину магию, интересно, тварь из зазеркалья правду сказала? И как закрыть этот разлом. Где искать осколки?».

Она вылетела в вестибюль и врезалась в Губина. Здоровенный, краснощекий одноклассник, громче всех ржавший над ней утром, только покачнулся.

— О, Селька-ведьма! — оскалился он. — Порчу наводила?

Секлетинья глянула в тонированное стекло двери за его спиной. От Сергея тянулась не одна паутинка. Три тонких, пульсирующих нити уходили прямо в темное дверное стекло. Она улыбнулась. Губы растянулись в жуткой, неестественной для ребенка гримасе взрослой стервы.

— Да, Сереженька. Порчу. Приглядишься к своим глазкам. Они же у тебя... как у дохлой собаки.

Она шагнула мимо, оставив его стоять с отвисшей челюстью. Губин испуганно дернулся. И в этот момент Секлетинья, повинувшись безумному инстинкту, протянула руку и схватила невидимые нити.

Пространство разорвалось. Словно оголенный высоковольтный провод вогнали прямо через глаза в ее мозг. Тело выгнулось дугой в неестественной судороге, позвоночник хрустнул, изо рта вырвался нечеловеческий хрип. Она рухнула на мраморный пол, забившись в припадке.

Библиотекарша с визгом выронила каталожные карточки. Сергей, бледный как полотно, пятился к стене, истерично визжа: «Это не я! Она сама! Она сама упала!».

Последнее что она слышала, вой скорой.

Ее швырнули на жесткие носилки в пропахший бензином УАЗ-«буханку». Машину трясло на ухабах, отбивая внутренности. Сквозь пелену беспамьяства Секлетинья чувствовала, как грубые, пахнущие дешевым табаком руки фельдшера раздирают ей веки. В нос ударила обжигающая, доводящая до слез вонь нашатыря.

— Давай, девка, дыши! Не вздумай мне тут! — рычал голос.

Потом — слепящий свет ламп приемного покоя. Запах хлорки и карболки. Ее бесцеремонно раздели. Ледяной стетоскоп впился в грудь. Клацнул металл — из кипящего стерилизатора достали толстенный, многоразовый стеклянный шприц с тупой иглой.

— Сульфокамфокаин кубик, живо! Кордиамин! — лаяла дежурная врачиха.

В плечо вонзилась боль, словно туда вбили гвоздь. К груди, грубо оттягивая кожу, присосали влажные, холодные груши аппарата ЭКГ. Секлетинья не могла пошевелиться, она была заперта в парализованном теле, а краем глаза видела, как в глазурованной плитке процедурной копошатся тени. Они смотрели на ее мучения и скалились.

Ничего не помогало. Давление падало. Врачиха, матерясь, с силой хлестала ее по щекам: «Очнись, дура! Давай!». Селя провалилась в темноту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.